

Видали? Вот мы где живем, дорогой Евгений Александрович... Однако величественного ничего нет, — дешевенький, но плохонький отель. Русских в нем напихано очень много. Нельзя сказать, чтобы их здесь сильно уважали. Но... механические привычки... Сродни тараканам. Не знаю, кто писал о том, что шведские издательства дают мало русским писателям. Не я. Я писал лишь о книжке Чехова да о сборнике «Русским детям». Кажется, ничего косоого не сказал — даже не покивал укоризненно на предисловия.

Я сейчас телеграфировал, чтобы Вам прислали готовые страницы «Исповеди безумца» (простите: другого заглавия нет и не может быть). Перерыв в 10 дней вызван необходимостью: ни во время пятисуточного колтыхания в море, ни в Копенгагене, ни в Гулле, ни в Лондоне, ни в Фолькстауне, ни в первые два дня в Париже ничего сделать не мог. Сейчас же я правлю по французскому (пересмотренному самим Стриндбергом) изданию ту часть, что взял с собою. Ошибки переписчика у меня будет править в Гельс[ингфор]се, вероятно, Кузьмин-Кораваев или один мой приятель, который, к счастью, только любит тонко и ревностно литературу, но совсем не пишет. То, что Вам пришлют, еще далеко не половина. Когда половина — я извещу. Не бойтесь ни за меня, ни за Стриндберга. Дело гордости и любви.

Храни Вас Бог. Ваш А. КУПРИН

Париж — чудо!!

VIII

[Париж, лето 1920]

Милый Евгений Александрович.

Что это Вы в каждом письме ругаетесь? Нехорошо!

Отвечаю по пунктам:

1) 500 крон получено, ими пока удовлетворены переводчик и переписчик.

2) Я уже писал Вам о невольном перерыве, который должен был произойти вследствие того, что внезапно я получил визу в Париж и не мог этим случаем не воспользоваться мгновенно. Теперь этот пробел заполнен. Уже в Париже я получил переписанное с моих тщательных поправок начало (на пишущей машинке) и, прочитав, отослал его в издательство на Ваше имя (ввиду возможного Вашего отъезда). Получил я также продолжение первоначального перевода, работал над ним без отниму трое суток и отослал в Гельсингфорс для переписки. Теперь мы на 80-х страницах текста. Не удивляйтесь, что этому черновику, как и другим, придется делать по два конца и один из Гель[сингфор]са ко мне, а другой — от меня к Вам.

Я никому в Гель[сингфор]се не могу доверить окончательной второй правки. Еще в Финляндии нам пришлось наткнуться у Стриндберга на место, которое трудно понимали и коренные шведы (правда — финские). Я первый понял его по интуиции, а справка у литературного шведа подтвердила мою догадку. Но эта заминка — лишь кажущаяся. Сейчас колесо налажено, и невольный пропуск во времени наверстается его правильным движением.

3) Перевод предполагаю закончить через 1—1½ месяца.

4) Ручаясь за мою точность (не честность ли?), Вы изволите видеть в этом свою безрассудную храбрость. Не думаю, что Вы хотели меня оскорбить этой фразой? Деньги я взял не для себя, а для своих помощников. Второй присыл денег пойдет туда же. Я возьму оптом лишь по окончании всего дела. Если я сумел справиться в 3 месяца со стихотворным переводом шиллеровского «Дон Карлоса» — и сделал это